

О БЛАГЕ СУПРУЖЕСТВА¹

[Р. 187]

I

1. Поскольку всякий человек — часть рода человеческого, а человеческая природа есть нечто общественное и имеет великое природное благо — силу дружбы, то Бог вследствие этого пожелал, чтобы все люди произошли от одного [человека], с тем чтобы

¹ Перевод выполнен и указание страниц дано по изд.: *Augustinus. De bono coniugali* // CSEL. Vol. 41. P. 187–231.

они удерживались в своей общности не только благодаря внешнему сходству, но и благодаря узам родства. Посему первая природная связь в человеческом обществе — это связь между мужем и женой. Бог не сотворил их каждого в отдельности и не соединил потом их вместе, как инородных, но создал одну от другого, сделав знаком силы этого союза бок, из которого была взята и создана [женщина] (ср. Быт. 2:21–22). В самом деле, мужчина и женщина, гуляя бок о бок, соединяются друг с другом и смотрят в одном направлении. Далее следует их соединение в детях, которые являются единственным достойным плодом, при этом даже не связи мужчины и **[Р. 188]**

✠ Блаженный Августин Гиппонский ✠

женщины, а их соития. Ибо у обоих полов могла существовать и без такого соития некоторая дружеская и братская связь, когда один пол руководит, а другой подчиняется.

II

2. Однако сейчас нет нужды, чтобы мы выясняли и высказывали определенное суждение по тому вопросу, откуда еще могло бы появиться потомство первых людей, которых Бог благословил, изрекши: «растите *и размножайтесь, и наполняйте землю*» (Быт. 1:28), если бы они не согрешили, в результате чего тела их заслужили состояние смерти и не может быть иного соития, кроме как смертных тел. В самом

деле, существует множество различных мнений на сей счет, и если бы необходимо было разобраться в том, какие из них больше согласуются с истиной Божественных Писаний, то это стало бы предметом длительного обсуждения¹. Так, если бы они не согрешили, то получили бы детей без какого-либо плотского соития каким-нибудь иным образом, например по дару Всемогущего Создателя, Который смог сотворить их самих без родителей, смог создать плоть Христову во чреве Девы и (что я мог бы сказать неверующим) Который подарил потомство пчелам без

¹ Этот вопрос блж. Августин подробно обсуждает в 14-й книге сочинения «О граде Божиим».

всякого соития. Возможно, поскольку многое там было сказано мистически и образно, слова Писания: *наполняйте землю и обладайте ею* (Быт. 1:28), следует понимать иначе, а именно что это [сказанное] должно быть достигнуто полнотой и совершенством жизни и власти. Так что само приращение и размножение, по поводу которого было сказано: «растите и **[Р. 189]** *размножайтесь*», должны пониматься как преуспевание ума и изобилие добродетели, подобно тому как сказано в псалме: «Ты приумножишь меня в душе моей добродетелью» (ср. Пс. 137:3). И не было бы дано человеку продолжения через потомство, если бы не суждено было ему исчезнуть в смерти из-за

содеянного греха. А возможно, вначале у тех людей было создано не духовное тело, а только животное, чтобы по заслугам послушания оно потом стало духовным для обретения бессмертия не после смерти, которая *завистью дьявола вошла в мир* (Прем. 2:24) и стала наказанием за грех, но через то изменение, на которое указывает апостол, говоря: *потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Христу на воздухе* (1 Фес. 4:17). Потому мы можем понимать так, что тела первой супружеской пары хотя вначале и были смертными, все же не умерли бы, если бы [первые люди] не согрешили. Бог угрожал им, поскольку существовала угроза

получить рану из-за того, что тело было уязвимо; и ничего бы не случилось, если бы [первые люди] не нарушили Его запрет. Таким образом, даже через соитие таких тел могли бы появиться на свет следующие поколения, которые увеличивались бы до определенного предела, и люди не достигали бы старости или же достигали бы старости, но все же не смерти, пока [такое] приумножение не наполнило бы по благословию [Божию] земли. Ибо если уж Бог позволил одеждам израильтян на протяжении сорока лет сохранять свое изначальное состояние, не изнашиваться (ср. Втор. 29:5), **[Р. 190]** то тем более Он мог даровать телам тех, кто повиновался бы Его заповеди,

некое счастливое состояние до тех пор, пока они не оказались бы изменены к лучшему не в результате смерти человека, когда тело отделилось бы от души, а в результате блаженного изменения от смертности к бессмертию, от животной природы к духовной!

III

Какое из этих суждений истинно и возможно ли на основании тех слов [Книги Бытия] сформулировать другое или другие [предположения], рассуждать и спорить можно долго.

3. Теперь мы хотим сказать о том, что в соответствии с этим известным нам состоянием рождения и смерти, в котором мы сотворены, брак между

мужчиной и женщиной несет в себе некоторое благо. Божественное Писание так утверждает этот союз, что ни жене, оставленной мужем, не дозволяется вступать в брак с другим, пока жив ее муж, ни мужу, оставленному женой, не дозволяется брать другую, если только та, которая ушла от него, не умрет. Так вот, поскольку благо супружества Господь утвердил в Евангелии не только посредством того, что запретил оставлять жену, кроме как из-за прелюбодеяния (см. Мф. 19:9), но также и посредством того, что пришел званым на брак (см. Ин. 2:2), есть основание задаться вопросом, в чем состоит это благо. Мне кажется, не только в рождении детей, но и в самом

природном союзе противоположных полов. Иначе не назывался бы супружеством союз между стариками, особенно если они лишились детей или вообще не родили. Но ведь даже если спустя много лет в добром супружестве и угаснет свойственное [молодому] возрасту горение между мужчиной и женщиной, в полной мере сохраняется между мужем и женой чувство любви. **[Р. 191]** Чем лучше супруги, тем раньше они по обоюдному согласию начнут воздерживаться от плотского соития, не из-за того, что приходится подчиниться необходимости, не имея уже возможности делать то, что они хотели бы, но ради того, чтобы удостоиться похвалы, отказавшись

делать то, что они еще могли бы. Так вот, если сохраняется искреннее уважение и почтение, которое должны проявлять в отношении друг друга оба пола, то даже когда телесные члены измождены и стали почти что мертвены, любовь в душах супругов остается тем более чистой, чем более оказывается испытанной, тем более надежной, чем более становится безмятежной. Благо супружества заключается также в том, что плотская или юношеская невоздержанность, хотя сама по себе она и порочна, получает благородную цель родить потомство, так что из зла похоти брачный союз производит нечто благое. Кроме того, плотская похоть обуздывается и некоторым

образом горение ее становится более скромным, потому что ее смягчает родительская любовь. Ибо возникает некое отягощение на пути страстного вожделения, если в тот момент, когда муж и жена соединяются друг с другом, они задумываются о том, что являются отцом и матерью.

IV

4. К этому следует добавить вот что: при том что супруги выполняют в отношении друг друга обязанности (даже если они требуют этого исполнения с некоторой несдержанностью и неумеренностью), они связаны друг с другом взаимной верностью. Таковую верность апостол наделяет столь

великим правом, что называет ее властью: *Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7:4). Нарушение этой верности называется прелюбодеянием, когда, либо следуя зову собственной похоти, либо потакая чужой, [один из супругов] вступает в соитие с другим или с другой **[Р. 192]** вопреки супружескому договору. И таким образом нарушается верность, которая даже в самых низких и плотских вопросах является великим благом души, и потому ее, несомненно, следует ставить выше даже телесного здоровья, на котором зиждется наша нынешняя жизнь. В самом деле, жалкий плевел по сравнению

с массой золота — вещь почти что ничтожная; верность же, когда она сохраняется чистой в плевеле или в золоте, не становится менее значимой от того, что сохраняется в меньшей вещи. Но когда верность используется для совершения греха, то странно, если она называется верностью. Но, как бы то ни было, когда нарушается верность, [грех] этот более серьезен. Исключение может быть только в том случае, если [дурной поступок] совершается ради того, чтобы вернуть в себе беззаветную и надлежащую верность, то есть чтобы исцелить грех путем исправления превратной воли. Давайте представим, что кто-то не может ограбить человека в одиночку и находит

товарища для беззакония, договаривается с ним совершить преступление и разделить добычу, но по совершении преступления все добытое забирает себе. Тот же [второй] скорбит и сетует, что в отношении него поступили вероломно, однако же в этом своем сетовании он должен был бы скорее думать о том, что следовало бы, ведя добрую жизнь, сохранять верность другим людям и не грабить человека, если чувствуешь, сколь несправедливо и вероломно то, как поступили в отношении тебя в греховном союзе. Другой, преступивший верность дважды, разумеется, должен быть признан в большей степени виновным. Но если он раскаялся в том дурном поступке, который они

совершили, и **[Р. 193]** потому не захотел делить добычу с соучастником преступления, дабы вернуть ее человеку, у которого она была отнята, то он, даже будучи вероломным, не должен называться вероломным. Так и женщина, если она, нарушая супружескую верность, сохраняет верность своему любовнику, является, безусловно, негодной, а если не сохраняет ее даже любовнику, то является еще более негодной. Но если она раскается в своем прегрешении и, вернувшись к супружескому целомудрию, откажется от всякого прелюбодейского союза и от согласия [со своим любовником], меня удивит, если даже сам ее любовник будет считать ее вероломной.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. К. Доброцветов. Предисловие</i>	7
<i>Блаженный Августин Гиппонский. О благе супружества</i>	38

